

Максимилиан Александрович Волошин

Путями Каина

Максимилиан Александрович Волошин

Путиами Каина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7360285

Аннотация

«В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж...»

Содержание

Мятеж	4
Огонь	9
Магия	14
Кулак	19
Меч	23
Порох	28
Пар	32
Машина	37
Бунтовщик	43
Война	51
Космос	57
Государство	67
Левиафан	74
Суд	79

Максимилиан Волошин

Путями Каина

Трагедия материальной культуры

Мятеж

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых

И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир, разумный и жестокий,
Был обречен природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «Я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье –
Творящий ритм мятежного огня.

4

Мир – лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды – шлаки плоти,

Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж – безумие;
Законы природы – неизменны.
Но в борьбе за правду невозможного
Безумец –
Пресуществляет самого себя,
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени.
Зверь приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,

И его ваяло – смерть,
А глина – вихри собственного духа.

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком –
Опаснейшим и злейшим из зверей –
 Безумным логикой
 И одержимым верой.

Разум

Есть творчество навыворот. И он
Вспясть исследил все звенья мироздания,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,
Вник в вещество, впился, как паразит,
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя,
И стал рабом своих же гнусных тварей.

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.

Благоразумным:

«Возвратитесь в стадо»,

Мятежнику:

«Пересоздай себя».

25 января 1923

Коктебель

Огонь

1

Плоть человека – свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь – первый знак земного мятежа,
А знак второй –
Раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод –
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра

Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец – невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина – блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики

Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага, –
Пещера стала храмом,
Трапеза – таинством,
Огнище – алтарем,
Домашний обиход – богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога,
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

7

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы,
И под напевы огненных Ригвед
Праманта – пестик в деревянной лунке,
Вращавшийся на жильной тетиве,
Стал знаком своеволья –
Прометеем.

И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

26 января 1923

Коктебель

Магия

1

На отмели незнаемого моря
Синбад-скиталец подобрал бутылку,
 Заклепанную
 Соломоновой печатью,
И, вскрыв ее, внезапно впал во власть
В ней замкнутого яростного Джина.
Освободить и разнuzдать не трудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы
И радужные грезы застилали
Видения дневного мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,

А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека,
И пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
Вдыханьи ветра чей-то вещей голос,
 Когда, разъятые
 Потом сознанием, силы
Ему являлись в подлинных обличьях
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду, –
Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
 Дар ясновиденья
 И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу,

Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число, – он позабыл,
Что в обезвоженной природе живы
Всё те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие Эльфы
Скользят по проводкам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин;
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий:
Не видя, что на рынках и базарах,
За призрачностью биржевой игры,
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расползшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе,

Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
Каждой ступени в области познания
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.

30 января 1923

Коктебель

Кулак

1

Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен: «Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать, тот не пойдет за мной».
Он понял истину, что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он – первый земледелец – ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови.
Но был отвергнут его бескровный дар,

И он убил кочевника,
Топтавшего посевы.
«А эта кровь – тебе угодна, Ягве?»
И прочь ушел с пылающим клеймом:
«Отметится всемеро тому, кто тронет
Отныне Каина».

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял хмель одиночества
И горький дух свободы.
Строитель городов – построил первый тюрьмы;
Ковач металлов –
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки, –
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей – он на стенах пещеры
Обвел резцом
Виденья разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов, кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков – зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак – горсть пальцев, пясть руки,
Сжимающая сручье иль оружие, –
Вот сила Каина.

6

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.
Их равенство – в предельном напряженьи
Свободных мускулов,
Свобода – в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

Когда из пламени народных мятежей
Взвывается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль смерть» –
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин.

11 марта 1922

Феодосия

Меч

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья, –
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей.
(Эфес поднять до губ –
Доньше жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту –
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии – Деве милосердной – слава»,
«Не обнажай меня без нужды,
Не вкладывай в ножны без чести»,
«In te, o Domine, speravi!»¹
Восклицают средневековые клинки.
Меч сосвященствовал во время
Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещения.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.
И в описях оружия
К иным прибавлено рукой писца:
«Он – фея».

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря

¹ «На тебя, Господи, уповаю!» (лат.).

И оковал железом
Его лицо и плоть его; а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на «Да» и «Нет»,
На зло и на добро.
«Si! Si! – No! No!»,²
Как утверждает Сидов меч «Тисона».

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека,
Меч не погиб, но расщепился в дух:
Защитницею чести стала шпага
(Ланцет для воспаленных самолюбий),
А меч –
Вершителем судебных приговоров.
Но, обесчещенный,
Он для толпы остался
Оракулом
И врачевателем болезней;

² «Да! Да! – Нет! Нет!» (исп.).

И палачи, собравшись, хоронили
В лесах Германии
Усталые мечи,
Которые отсекли
Девяносто девять.

6

Казнь реформировал
Хирург и филантроп,
И меч был вытеснен
Машинным производством,
Введенным в область смерти, и с тех пор
Он стал характером,
Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной –
Антиномией Кантова ума.

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чашки мира: «Горе побежденным!»?

Не веривший ли в справедливость

Приходил

К сознанию, что надо уничтожить

Для торжества ее

Сначала всех людей?

Не справедливость ли была всегда

Таблицей умноженья, на которой

Труп множили на труп,

Убийство на убийство

И зло на зло?

Не тот ли, кто принес «Не мир, а меч»,

В нас вдунул огонь, который

Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,

Доколе каждый

Таинственного слова не постигнет:

«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло».

1 февраля 1922

Феодосия

Порох

1

Права гражданские писал кулак,
Меч – право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему,
Со дна реторт преступного монаха
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.

3

«Несчастливые, тащите меч на кузню
И на плечо берите аркебузы:
Честь, сила, мужество – бессмысленны.

Теперь

Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей».

– «О, сколь благословенны

Века, не ведавшие пороха,
В сравнении с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего...»

Так восклицали

Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот –
Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях,

Порох

Свил черное гнездо

На дне ружейных дул,

В жерле mortar, в стволах стальных орудий,

Чтоб в ярости случайных пробуждений

В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью – прицел,
Стволу – нарез,
Солдатам – строй,
Героям – дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,

Беспрекословность, точность, дисциплину,
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Всё оперение турниров и парадов,
И выкрасил в зелено-бурый цвет
 Разъезженных дорог,
 Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла –
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся невероятной ночи
И видим облики чудовищных теней,
Не названных, не мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.

5 февраля 1922

Коктебель

Пар

1

Пар вился струйкою
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усилием сдвинулся
И потащил по рельсам

Огромный поезд клад и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:

Пар послал

Рабочих в копи – рыть руду и уголь,
В болота – строить насыпи, в пустыни –

Прокладывать дороги;

Запер человека

В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажой,

Луч солнца – копотью,

И придушил в туманах

Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную раскрашенную
Ленту

Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;

Замкнул

Просторы путнику,

Лишил ступни

Горячей ощупи

Неведомой дороги,

Глаз – радости открытия новых далей,

Ладони – посоха, и ноздри – ветра.

5

Дорога, ставшая

Грузоподъемностью,

Пробегом, напряженьем,

Кратчайшим расстоянием между точек,

Ворвалась в город, проломила бреши

И просеки в священных лабиринтах,

Рассекла толщи камня, превратила

Проулок, площадь, улицу – в канавы

Для стока одичалых скоростей,

Вверх на мосты загнала пешеходов,

Прорыла крысьи ходы под рекою

И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье – заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

7

Адам изваян был
По образцу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобию человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры,
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;

Ноги
Стесал как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

8 февраля 1922

Феодосия

Машина

1

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
А воды
Вращали мельничное колесо –
Их силы
Не нарушали древних равновесий.
Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,
 Овладевши
Сознанием и страстями человека,
 Себе построили
Железные тела
 Согласно
Своей природе: домны и котлы,
 Динамо-станции,
 Моторы и турбины.

4

Как ученик волшебника, призвавший
 Стихийных демонов,
Не мог замкнуть разверстых ими хлябей
И был затоплен с домом и селеньем –
Так человек не в силах удержать
Неистовства машины: рычаги
Сгибают локти, вертятся колеса,
Скользят ремни, пылают недра фабрик,
И, содрогаясь в непрерывной спазме,

Стальные чрева мечут, как икру,
Однообразные ненужные предметы
 (Воротнички, автомобили,
 Граммофоны) –
Миллионами миллионов, – затопляя
Селенья, области и страны –
 Целый мир,
 Творя империи,
 Захватывая рынки, –
 И нет возможности
 Остановить их ярость,
Ни обуздать разнузданных рабов.

5

Машина – победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умязать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишачий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что Духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек – такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений – вырожденье, что культура –
Увеличение числа потребностей,
 Что идеал –
 Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок
И нет иных богов, кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят столбы, звенят антенны, токи
Стремят в пространствах звуки и слова,
 Разносит молния

Декреты и указы

Полиции, правительства и бирж, –
Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке –
О древнем замуrowанном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порта и рынки ломаются от яств,
Горячей снедью пышут рестораны,
Но ни единой корки для голодных –
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальные рышут рыбы,
Взрывают хляби тяжкие суда,
 Поют пропеллеры
 В заоблачных высотах:
Земля и воды, воздух и огонь –
Всё ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы, –
Распахнуты театры и музеи,
Клокочут площади,
 Ораторы в толпу
 Кидают лозунги
 О ненависти классов,
О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен,

И нищий с оскопленною душою,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда.

1 марта 1922

Феодосия

Бунтовщик

1

Я голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов –
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано:
 «Ступай на рынки», –
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Но не мечи им истин, а взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовется, как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва.
Беда тому, кто убедит глупца!
 Принявший истину на веру –
 Ею слепнет.

Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
 Насилье истиной
 Гнуснее всех убийств.
Кто хочет бунта – сей противоречья,
Кто хочет дать свободу – соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы – мертвецы заклепанных гробов!
Вы – суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы,
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой?
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
 К прыжку из человечества –
 К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.

Кто написал на этих стенах кровью:
«Свобода, братство, равенство,
Иль смерть»?
Свободы нет.
Но есть освобождение,
Среди рабов единственное место
Достойное свободного – тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства – есть только равновесье,
Но в равновесьи – противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры – счастье,
Что благосостоянье – идеал?
Страдание и голод – вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

Закона нет – есть только принужденье.

Все преступленья создает закон.

Преступны те, которым в стаде тесно:

Судить не их, наказывать не вам:

 Перед преступником

 Виновно государство.

Не пресекайте, но готовьте русла

Избытку сил.

Поймите сущность зла.

Не бойтесь страсти.

Не противьтесь злomu

Проникнуть в вас:

Всё зло вселенной должно,

Приняв в себя,

Собой преобразить.

А вы построили темницы и запреты:

Суд гасит страсть,

Правительство – мятеж,

Врач гасит жизнь,

Священник гасит совесть,

Довольно вам заповедей на «не»:

Всех «не убий», «не делай», «не укради»,

Единственная заповедь: «ГОРИ».

Твой Бог в тебе,

И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник – Ты!
Бог есть любовь.
Любовь же огонь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явлениям жизни:
Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть – цветенье, а не зло;
 Обеззараженность
 Отнюдь не добродетель!

6

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
 Есть мзда, достойная творца.
 Как дерево – созревшие плоды
 Роняйте на землю

И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Всё погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
Поймать в зародыше
И удушить добро?
Не отдавайте давшему:
Отдайте иному,
Чтобы тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?
Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить:
Вы отдали – и этим вы богаты,
Но вы – рабы всего, что жаль отдать.

От обладания чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный хлам угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови.
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин.
В едином миге яростного взрыва
Вы истощили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы – пламя, замурованное в безднах,
 Вы – факел, кинутый
 В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом.
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней размах! Отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?

25 января 1923

Коктебель

Война

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились: довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего и, разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок, –
И снова успокаивались.

В мире

Всё шло как следует:

Трильон колес

Работал молотами, рычагами,

Ковали сталь,

Сверлили пушки,

Химик

Изготавливал лиддит и мелинит;

Ученые изобретали способ

За способом для истребления масс;

Политики чертили карты новых

Колониальных рынков и дорог;

Мыслители писали о всеобщем

Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибких танго
И обнажали пудреную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: «Время
Топтать точило ярости! За то,
Что люди демонам,
Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью
Текущих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд

В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосушие и душащие нити, –
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смилив и поборов
Гнев, жадность, своеволие, безразличие...»

3

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездьи Льва, и бесы
На землю ринулись...
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри, и пища.

Время как будто опрокинулось,
И некрещенным водою Потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишки пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом;
В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застлался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца,
Тучи насекомых,
Чудовищных строением и размером,
В телах людей
Горючие личинки оставляли, –
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человеческую жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли,

Жевали, пожирали,
А города, подобно жерновам,
Без усталости вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступлением
И радостью под обода колес.
Всё новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир!

6³

Еще! еще! И всё казалось мало...
Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,

³ Пропуск в авторской нумерации.

Питались человечиною,
Детей засаливали впрок, –
Была разруха,
Был голод.
Наконец пришла чума.

7

Безглазые настали времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше,
Но для них
Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончилась предродовая схватка,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди ничему.

29 января 1923
Коктебель

Космос

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза,
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил – растения, от кости – камень,
И двойники – небесный и земной –
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,

Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было всё – вверху, как и внизу, –
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне океана.
С высоких башен, сложенных людьми
Из жирной глины тучных межиречий,
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
А в дельтах рек – Халдейский звездочет
И пастухи Иранских плоскогорий,

Прислушиваясь к музыке миров,
К гудению сфер и к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Всё в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес,
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.
На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя медью мускулов – атлеты
Крылатым взмахом умощенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф и звонких теорем.
И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Всё было осязаемо и близко –
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст, и разум мерил землю.
Распоры кипарисовых колонн,
Воцненный кедр закуренных часовен,

Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй,
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа, и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь, и сепия, и желчь –
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.
Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в иступленный сон –
Сплетенье рук и напряженье связей
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Фидиевых строф.
Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста – Голгофа –
Последняя надежда бытия.
Земля была недвижимым темным шаром.

Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром – Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.
Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней –
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов – гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов –
Труба Суда и черный луч Голгофы.
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей
Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.
Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только Богу не хватило места.
Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший: «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу», –
Разворотил тысячелетья веры.
Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.
Материя явилась бесконечной,
Единосушной в разных естествах,
Стал Промысел – всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвердый, скользкий –
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол – механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохранения
Материи и Силы.

Человек,

Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем – злейшею из вер,
А вокруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как черный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неумный разум разложил
И этот мир, построенный на ощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Всё относительно: и бред и знание.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вывездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества – есть круговерти силы;
Нет твердости – есть натяженье струй;
Нет атома – есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера –
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство – лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложения и распада,
Сам человек – могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная – не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,

Где солнечная заверть – только случай
Посереде необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно,
Явления жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознание – вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную мятель.

7

Как глаз на расплзающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, –
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.
Системы мира – слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знания,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим вавилонских башен,
Ты – заклинатель сфинксов и химер.

12 июня 1923

Коктебель

Государство

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Всё строится на выгоде и пользе,
На выживании приспособленных,
На силе.
Его мораль – здоровый эгоизм.
Цель бытия – процесс пищеваренья.
Мерило же культуры – чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судия, как исполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство – наименьшее,
Тягчайшее же – воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу.
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть

Заране укрошен.

Смысл воспитания:

Самозащита взрослых от детей.

Поэтому за рангом палачей

Идет ученый комитет

Компрачикосов,

Искусных в производстве

Обеззараженных

Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,

Затем, что кража есть

Единственная форма

Законного приобретения.

Государство

Имеет монополию

На производство

Фальшивых денег.

Профиль на монете

И на кредитном знаке герб страны

Есть то же самое, что оттиск пальцев

На антропометрическом листке:

Расписка в преступлении.

Только руки

Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники – одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, тайным, равным и прямым
Избрать достойного, –
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступлению.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное –
Ей надо
Людей практических,

Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраниях и голосовать.
Из государственных мануфактур,

Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, –
Из патентованных наркотиков –
Газета

Есть самый сильно действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона

Находятся два класса:

Уголовный

И правящий.

Во время революций

Они меняются местами –

В чем

По существу нет разницы.

Но каждый,

Дорвавшийся до власти, сознает

Себя державной осью государства

И злоупотребляет правом грабежа,

Насилий, пропаганды и расстрела.

Чтоб довести кровавый самогон

Гражданских войн, расправ и самосудов

До выгонки нормального суда,

Революционное правительство должно

Активом террора
Покрыть пассив усобиц.
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гарроты
Сжимает ту же шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор –
Вот достижения
И гений революций!

13 апреля 1922

Феодосия

Левиафан

*Множество, соединенное в одном лице,
именуется Государством – Civitas.*

*Таково происхождение Левиафана, или, говоря
почтительнее, – этого Смертного Бога.*

Гоббс. «Левиафан»

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов,
На гноище поруганной вселенной, –

Мне – Иову – сказал Господь:

«Смотри:

Вот царь зверей, всех тварей завершенье,
Левиафан!

Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь зверей –
Чудовищный, огромный, многочисленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зеркал,
И беглый огонь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был мною сотворен, –
Сказал Господь, –
Все жизни отправления
В нем дивно согласованы:
Лишен
Сознания – он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено –
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь.

Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилищах.
А глубже, в безднах темных,
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.
Я говорил:

5

«Зачем меня сознанием
Ты в этой тьме кромешной озарил
И, дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,

Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба –
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как Я – тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая – жги!
Замкнутый в гроб – живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?

7

– «Приемлю...»

9 декабря 1915

Париж

Суд

1

Праху – прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мною светило солнце.
Всё, что было плотью,
Развевалось, как радужная пыль –
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную –
И вспомнил себя
Я каждую частицей,

Рассеянную в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
А травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.

4

Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бледной плоти: пясти
Ростками тонких пальцев

Тянулись из земли,
Ладони розовели,
Стебли рук и ног
С усиьем прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро подымалась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем,
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи, – небо
Разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть.

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце

В Зверином Круге...

7

...И сам себя судил.

5 февраля 1915

Париж